

Это интервью я записала для себя шесть лет тому назад, и если бы не кончина Натана Йозефовича Эйдельмана, мне, наверное, и в голову не пришло бы достать и переписать эти пятнадцать страниц.

Тогда, осенью 1983 года, один из моих знакомых, композитор, предложил мне написать либретто балета «Гибель Пушкина». Это было для меня ново, а потому — заманчиво. У меня почти сразу же возникла идея балета-реквиема, причем «русского реквиема». Но не литургий, а именно «русского реквиема» — восточного, а восточный — это, конечно, «месса», «страсти» и «реквием» — время от времени естествоиспытатели у нас, то у православной литургий не было ни малейшего шанса на исполнение. Уверенность в этой идее, я «принялась» в Пушкинском, и когда почувствовала, что тонус не пошел, что должна идти во всем этом космическом хаосе противоречивых сведений, свидетелей и версий, которая бы какой-то аттрактор — сектор, который вывел бы меня к истине. Я позвонила Эйдельману, с которым до этого даже не была знакома, представилась и попросила о встрече. Он принял меня чуть ли не в тот же день.

Разговор наш длился часа три — если не более. Я записала с разрешения Натана Йозефовича две безумные кассеты. Переписывая интервью, я оставила из него только главное для себя. Здесь нет первой — предвзвешенной трети разговора, и

последней — уже «ушедшей» от судьбы Пушкина.

После этой единственной встречи мы еще какое-то время переписывались: я — с вопросами, Эйдельман — с уточнениями, дополнениями. Какое-то время он еще руковождал моим режиссированием по Пушкинскому.

Но композитор неожиданно потерял интерес к Пушкину — возможно, потому, что в Кировском театре уже шел или готовился (сейчас я уже не помню точно) — балет Петрова. А я, ничуть не жалея о «эри» проделанной работе, была благодарна судьбе за то, что она предоставила мне возможность совершить это долгое и трудное странствие — мир и судьбу Александра Сергеевича.

Но ничто не бывает случайным — тем более когда при-

касается к Личности и Судьбе Поэта. И у этой истории есть неоспоримое завершение (спросите, завершение ли?) в прошлом году, работая над статьей о реквиеме Вячеслава Артемова, я узнала, что в том же 1983 году Артемов начал писать балет-реквием «Только верой», в основу которого лег роман Алексея Толстого «Хождение по мукам». Значит, «русский реквием» «спросился быть написанным», случился в мир...

Перечитывая шесть лет спустя это интервью, я обнаружила для себя многое, чего не замечала тогда. А главное — мне показалось, что все, что говорил Натан Йозефович Эйдельман в тот осенний день, — сегодня актуально, как никогда.

Февраль 1990 г.

русского бунта в это время. Но все равно был их поэт.

— Поэт их духа.

— Да, это точно. Кроме того, они были его публикой. Даже не соглашаясь с ним, они были его аудиторией. Они создали его так же, как он создавал их. Каждого великого поэта рождает его читатель. Когда ко мне в Новосибирске приставали, почему у нас нет Пушкина, я долго отнекивался...

— Можно было ответить, наверное: «потому что он ВАМ не нужен. Он вам будет в тягость. Вы не будете знать, что с ним делать. Потому что он будет призывать к гражданственности, а вы будете закрываться от него и его призывов на ключ».

— Верно, верно! «Пушкин — поэт молодого времени, а мы староваты, ребята...» — И так можно было им сказать.

Так вот эта молодая Россия и породила Пушкина, и не только его, но целый круг. Потом Пушкину пришлось переступить в другую эпоху.

Бенкендорфа, хотя тот уверяет, что никакого надзора нет.

Итак, левые отошли, чернь не приняла, двор не считал своим. Пустота.

Психологически, как мне кажется, тут был еще и такой расклад: Николай хотел видеть в нем трубадура, а двор хотел видеть в нем шута. — Да, двор сдерживался по отношению к нему лишь постольку, поскольку с ним считался Николай. А Николай, видите, вскрывал письма, выговаривал как мальчишке. Все это знали. К примеру, Карамзин, будучи придворным, был в высочайшем чине — вот и иное отношение. Были, конечно, исключения в отношении к Пушкину. Самый надежный читатель, который мог Пушкина понять и потом понять его — разношерстная, студентская, левая — еще не доросли до него. Только в сороковые годы они дорастут.

Да, и плюс еще — никого из родни.

А что, по-вашему, было в нем самом, что мешало контактам?

Большой поэт всегда одинок. Он не может вписаться в стандартные рамки. Он не мог войти ни в какую группу или партию. Чего хотел Пушкин? Тогда это было непонятно никому: ни тем, кто стоял за свободой — для них, если за свободу, так давай бунт, громи самодержавие. Царь ждал панегриков — ничего этого не было. Он шел своим путем. Помните: «Ты царь: живи один. Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум, усовершенствуй плоды любимых дум, не требуя наград за подвиг благородный. Он в самом тебе. Ты сам свой высший суд: Всех строже оценишь смелее ты свой труд. Ты им доволен ли, взыскательный художник? Доволен — пусть все остальные не приемлют тебя. Они не готовы: «Доволен? Так пускай толпа его бранит, и плюет на алтарь, где твой огонь горит, и в детской резвости колеблет твой треножник». Целая программа!

Насколько я могу понять, Пушкина не волновало ослабление читательского интереса, хотя он видел явные признаки. Так, «История Пугачева» не разошлась. «Современники» не шел. А ведь денег нет! 138 тысяч долгу — шутка ли? По тем временам сумма астрономическая.

Он был не просто непонятен — его позиция была уникальна. Он изучает Россию, изучает историю, изучает власть. Как я понимаю, например, «Медного всадника»? Это ведь вершина его творчества. Кстати, «Медный всадник» и «Напуганная дочка» вместе пишутся — лежат вместе на рабочем столе. Если постараться разобрать их, так главное — две страшные стихии. Одна страшная стихия — власть. Это Петр, самодержавие — дикая сила. Он относился к Петру, например, с уважением, но с ужасом. Вторая стихия — это народ. Первая стихия — Петр, вторая — Пугачев. Две страшные, огромные стихии, которые вот-вот сойдутся на погребь всему. И между этими стихиями — маленький человек, вроде Евгения или Гриневы, или вроде самого Пушкина. В 1828 году он пишет «Полтаву», где Петр великолен. «Лишь ты воздвиг, герой Полтавы, огромный памятник себе». Проходит пять лет, и он пишет «Медного всадника». И какой разительный контраст! Там — Петр в славе, здесь — огромный Петр несется на маленького человека, гроз уничтожить его. Было бы трудно сформулировать программу Пушкина. В тридцатые годы он пишет самые глубокие свои вещи. Объем огромный. Но время другое, он другой. Он слишком глубоко для этого поколения. И положение его сложное. Он в пустоте — в отсутствии воздуха.

Но зато он сам в полном осознании своего восхождения.

— Давайте пофантазируем. Какие действительные лица должны были присутствовать в трагедии жизни Пушкина — кроме известных (Натан, Дантес, царь и др.)? Ну, предположим, в трагедии, написанной Гете? Не случайно Гете, так как это определяет круг философских категорий и круг образов за рамками обычных. Как бы вы расставили силы в такой философской трагедии? Каковы действующие лица, обличенные идеей?

— Я думаю, что прежде всего это Медный всадник — это сила власти. Может быть, даже это не Петр, это безликая сила. У Пушкина эти силы персонализированы. Второе — это наводнение. Это стихия гибели. Куда человеку деваться? Именем любимого героя назвал Пушкин этого маленького человека, обреченного на гибель. Это не Пушкин, но это и Пушкин. Медный всадник — сугубый, самый сугубый образ.

— Как вы трактуете наводнение? — Вневещовские силы. Над нами действуют какие-то чудовищные, страшные силы — не мистические, а реальные, исторические, человеческие, общественные, природные — силы воли человека, вне воли людей.

Пушкин был историчен. Объективен. Петр ни плох, ни хорош — он есть. Он такой, какой есть.

И еще. Вспомните «Памятник». Мы привыкли думать, что «Памятник» кончается бравро — «И долго будешь любезен я народу...» Ничего подобного — вот конец: «Веленью божию, о муза, будь послушна...». То есть опять: не иди в общество, не иди в свету, не суетись. Иди в себя. И тогда только будешь общественным человеком. И тогда только реализуешься как художник. Тот, что поддвигает общество, суетится, не может отделить главного от суетного и повседневного — тот имеет минутный выигрыш, но проигрывает главное — себя.

— И еще один трудный вопрос. Что же все-таки внутренне стояло за этим роком, за судьбой Пушкина? Где была та пружина, которая двигала его и к гибели, и к бессмертию? Что стояло НАД всем? И что за пружины двигали вообще его жизнью, его развитием, его движением?

— Есть мнение, что Пушкин не мог бы жить больше. Все говорит, что он случайно погиб. Ну, а если не случайно? Лермонтов все себе предсказал. Но и Пушкин чувствовал. Смотрите: не случайно Онегин убил Ленского. Поэт погиб! У него все время гибнут поэты. Салерн отравил Моцарта, Шенне казнен, гибнет Рылеев, гибнет Радищев, описывается смерть Грибоедова, гибнет Франц в «Сценах из рыцарских времен» — только поэт. Он не то что оговаривает свою судьбу, он слишком хорошо знает свою судьбу...

Джемма ФИРОВА.
Рис. П. Бунина.

«НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ»

Разговор с Натаном Эйдельманом

Есть даты, которые неизменно объединяют миллионы сердец — в радости или печали. Таков и трагический день гибели Александра Сергеевича Пушкина. Каждый февраль мы возвращаемся на Черную речку, в квартиру на Мойке — к последним минутам жизни Поэта. И еще столетия будет тревожить нас загадка его гибели — не загадка фактов, а загадка их логики, приведшей к фатальному исходу.

ЕЛО в том, что биография Пушкина — это тоже сюжет. Андроников очень хорошо сказал как-то, что Пушкин написал полное собрание своих сочинений и свою собственную жизнь. Действительно, он творил свою биографию, жизнь его — романтическая, яркая.

Основное, что написано о последнем периоде его жизни, — это книга Шеголева «Дуэль и смерть Пушкина». Тень Шеголева долго лежала на исследованиях жизни Пушкина. Шеголев был человек горячий, авантюрист, и если не мог досочинить биографию Пушкина, то мог совершенно искренне додумать ее. Ведь самое трудное свойство историка — отбор. Можно врать сознательно, но гораздо сложнее когда ложь бессознательна и вдохновенна. Я взялся бы рассмотреть все работы пушкинистов, и по тому, как они трактуют Пушкина, я мог бы определить и их характер, и взгляд на историю, и взгляд на женщину — это очень интересно. По концепции Шеголева, в центре стояла семейная драма — Наталья Николаевна была у него особенно отрицательной героиней.

— А на чем он основывал свое обвинение?

— Я бы сказал — в первую очередь на эмоциях. Документов были — документы об ухаживании, документы о светских сплетнях, но я бы сказал, что он ХОТЕЛ СДЕЛАТЬ ЕЕ ВИДНОЙ. Формально факты были — ведь нам прежде всего Пушкина жалко, и тогда Пастернак написал длинную статью, в которой он сказал, что по словам Шеголева, Пушкин должен был жениться не на Наталье Николаевне, а на Шеголевой и на всем пушкинове. Итак, у Шеголева Наталья Николаевна в центре — как отрицательная героиня.

Конечно, в документах много резонного было — другое дело, что Шеголев был очень пристрастен в своих оценках, он сгустил краски. Ну, например, кто-то из современников пишет Жуковскому: «Наталья Николаевна дура — все рассказывает мужу». И это говорит не какой-то вертопрах, который считает, что мука надо непременно обманывать, а благородный человек, который имеет в виду лишь одно, что Наталья Николаевна не понимает опасности, и что если ты рассказываешь мужу, как за тобой ухаживают, то тогда уезжай из Петербурга. Примерно так. Так что резоны у Шеголева были.

— Как вы относитесь к письмам Дантеса? Вам не кажется, что они были написаны специально, чтобы показывать их в свете?

— Видите ли, в свете их не знали, значит, Геккерен исполнил просьбу Дантеса в письмах — не показывать письма никому. Ленинградский исследователь вообще вообще предположил, что письма эти не Наталья Николаевна. Я считаю все-таки, что о Наталье Николаевне. Может быть, это и так, как вы говорите, но странностей и сложностей с этими письмами масса.

Но сначала главный вопрос: была ли виновата Наталья Николаевна? И был ли виноват царь, обвиненный Шеголевым?

Был период влияния Шеголева. Потом прошли годы, десятилетия, и шеголевские версии померкли. Все поняли, что дело сложнее. В отношении царя стало ясно, что непосредственно указание он давать не мог, другое дело, что Пушкин под «опекой» царя жил, и, конечно, по дуэли для царя — беспорядок. Но зачем расправлялись так, посредством дуэли? Зачем убивать Пушкина — мог бы расправиться другим способом. Нелюбовь светского общества и даже неприязнь царя — не фактор для обвинения. Царь постоянно хотел его приручить. Так что отношения с царем давили на Пушкина, но не так фатально.

Что касается Натальи Николаевны — со временем произошел другой перегиб — началось ее идеализация. Уже Кугультинов написал, что тот, кто обидит Наталью Николаевну, — соратник Дантеса. Истина не бывает в таких полусах. Мы ведь и Наталью Николаевну знаем только потому, что она жена Пушкина. Ну что нам рассказывала женщина 19-го века? Она у нас уже автоматизируется — это неправильно. Субъективно на ней вины не было, но то, что фатальный конфликт был связан с ней, — это несомненно. То есть, если говорить точнее, по человеческому счету она не виновата, она без вины виновата по божескому счету.

— То, что можно было бы определить как рок. Ведь первое имя, появившееся в стихах Пушкина, — Наталья.

— Да, то, что точнее всего назвать — судьба. Сегодня поиски пошли по частностям, кто ищет вины в Наталье Николаевне, кто в Дантесе, кто в царе или Бенкендорфе. И дело совершенно запуталось. Частность может быть и та, и другая. Но надо прежде всего представить себе, что же было, что произошло.

Драматургия, как я себе представляю, такова. Главная вещь, которая тяготила Пушкина в десять раз больше, чем ревность, чем все отношения к этой ситуации, кем бы то ни было, чем сплетни, — это вопрос его личного достоинства, что не было впрямую связано с этой историей, но было глубже и имело более отдаленную исто-

торию — начало которой задолго до женитьбы на Наталье Николаевне. «Работом не буду не только у царя земного, но и у царя небесного» — это было его любимая фраза. И это основная линия.

Начало дуэльной истории с Дантесом я бы отнес к 1834 году — это непосредственно начало конца, хотя предистория началась раньше. В 1834 году было вскрыто письмо Пушкина к жене и подано на стол царю. Письмо было невинное, были лишь какие-то вольные выражения. Пушкин был потрясен, что царь — человек чести — считает возможным вскрывать письма. После этого он написал жене в деревню: «Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство à la lettre. Без политической свободы жить очень можно, без семейственной неприкосновенности — невозможно: которая не в пример лучше. Это писано не для себя...».

То есть свободы политической — бог с ними. Раз Россия еще не созрела до свободы, до высоких политических форм — значит и свобода в идеальном понимании преждевременна. Но уж не лезь в душу. Никому не позволено лезть в душу — это главный кодекс чести. Интеллигентность, воспитанность, нравственность измерялись способностью к уважению в другом свободы — воли, чувства, права на самостоятельность и автономность суждений, устремлений, симпатий и побуждений — быть то в семье или в свете. Это кодекс чести по высшему счету. А Пушкин во всем жил по высшему счету.

Когда Пушкин впервые встретился с царем, Николай практически пошел на это. Он еще играл рыцаря. А в 1834 году после позорного прочтения царем письма Пушкина поэт пытался подать в отставку. Жуковский его остановил. Потом жалел всю жизнь, что остановил. Помешал уехать из Петербурга. Пушкин тогда почувствовал, что если власть идет на такое, ему придется пойти на конфликт. Власть не убивает его — она только вскрывает письма. Это страшнее для Пушкина. Блок сказал, что Пушкина погубило отсутствие воздуха, недостаток воздуха. Поэтому что там, где начинается надзор за душой, кто бы ни надзирал — меркнет свет и кончается жизнь. Пушкин почувствовал, что дело худшее, сейчас доказано, что ряд очуток и мрачных, печальных стихотворений и переводов относится к концу 1834-го — началу 1835 годов. Еще никакого Дантеса нет. Никакой ревности. Дело не в Дантесе.

Потом снова наступила тишина. Жить, правда, непросто. Растут долги. Пушкин пытается работать, но через некоторое время он опять начинает понимать, что идет наступление на его достоинство. В чем это выражается? Чтывая все документы времени дуэли с Дантесом, я не вижу одного — ревности. А ведь ему принесли именно это. Но этого нет! Странно, но факт! Чем это объяснить? Полной уверенностью? Слишком серьезной и мудрой любовью? Или, может быть, тем уважением ее внутреннего мира, которого он требовал и к себе? Это скорее всего. Но факт остается фактом: ревности нет. А ведь как Пушкин умел ревновать! Когда он был влюблен в Воронцову, он сорок пять верст пробежал под палящим солнцем с непокрытой головой, когда почувствовал, что может потерять ее расположение. Здесь ничего этого нет. Значит, это не упрек, не минус его любви — это специфическая ситуация. Не ревность главное. Наталья Николаевна, может быть, была слишком простодушна и открыта во всем. Он такую и выбирал — чтобы не была испуганна в лукавстве, в сплетнях, в интригах — чтобы была открыта. Но здесь это было ужасно. Она слишком чиста и неуклюжа была перед светом, слишком откровенна и открыта, чем вызывала огонь на себя, — а стало быть и на Пушкина. Но не только в Наталье Николаевне дело. В общем отношении к Пушкину света, что выражалось то в улыбке, взгляде, насмешке, то в слове и деле. Камер-юнкерство само по себе ставило его в это положение. Дело даже не в нижнем чине — не в том мундире любой паршивец-камергер мог смотреть с презрением. Камер-юнкерство, насмешки, надзор за самым сокровенным — свободой души, и где-то среди этого всего — назойливая травля Натальи Николаевны. И самый поразительный факт — в 1836 году Пушкин был трижды билосан к дуэли с другим человеком. Этот факт у нас совершенно недооценивается.

— И по каким причинам?

— Совершенно вне Натальи Николаевны. Чуть не подражал Сологубу,

бом — что-то тот не так сказал о нем, улыбнулся. Есть очень резкое письмо князю Репнину — это второй случай. Что-то Репнин тоже не так сказал или написал что-то непочтительное. Пушкин написал ему такое письмо, после которого Репнин извинился. И третьим — такой был дворянин, издатель Хлостин. Вот три факта мы знаем. А сколько не знаем? Думаю, эти люди вообще Наталья Николаевну едва знали. Пушкин, что называется, НАРЫВАЛСЯ — он хотел разорвать тяжкий узел, который вдруг почувствовал на себе. Это было в центре — ощущение, что покушаются на его личное достоинство. Николай тоже уникален — может быть, невольно. Он мог отправить его в деревню, мог облегчить его положение, мог дать следующие чин — камергера. Но царь этого не делал, уступил нечепотке к Пушкину как к человеку. Пушкин был раздвоен. Это, кстати, понял сразу Лермонтов. Удивительно! Ведь он наверняка не знал ничего, но как все уловил: «Погиб поэт — НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ». Не в том дело, что он не хотел Наталью Николаевну задеть. Там вообще этой темы нет. Помните? «ОКЛЕВАННЫЙ МОЛВОЙ», «НЕ ВЫНЕСЛА ДУША ПОЭТА ПОЗОРА МЕЛОЧНЫХ ОБИД». Замечательный Лермонтов сразу ухватил суть дела. Правда, он вращался в этом свете и знал его. Но почувствовал чутьем. Я считаю, что стихотворение Лермонтова — самая точная разгадка происшедшего. Семейной драмы у него вообще нет — позора мелочных обид не вынесла душа поэта. Это стоит томов последующих исследований.

Вот генеральная линия. Чуть-чуть мы отступаем от нее — и попадаем в трагедию Дантеса, Геккерена, Вяземского, семейных дел... И становится все преувеличено, получается, что Пушкин дурачок, глупый ревнивец или наоборот — наивный рогоносец. Чуть отступаем влево — он чуть ли не заговорщик против царя, царь его давит, хочет его смерти. Тоже неверно. Это все фон. Царь и Наталья Николаевна, Дантес и Вяземский — единственный друг, который на поверку не выдержал. «Знакомых тьма, а друга нет», — писал Пушкин. За год до этого умерла мать, и Пушкин очень переживал. Отец в Москве. Брат Левушка шалопай, но и он на Кавказе. Сестра Ольга — любимая сестра — в Варшаву уехала. Осталась одна Наталья Николаевна. Но она — как пятый ребенок в доме. Пушкина нет. Напечки в Москве. Соболевский за границей. Значит, из близких людей только Жуковский. Жуковский что мог, — делал, никак, оставил дуэль в ноябре.

Надо говорить про все. Про Наталью Николаевну, про царя, про Геккерена. Но чуть-чуть ступишь — и ты пошел по линии семейной драмы или светской сплетни.

— Это все стечение обстоятельств, которое работало на главную линию. Скажите, как вы думаете, кто же написал эти письма, вызвавшие дуэль?

— Шеголев считал, что это сделал князь Долгорукий. Экспертиза 1975 года отвергла Долгорукого и Гатарины. Я думаю, что мог быть совершенно неизвестный человек. Или неожиданный вариант. Пушкин в свете для многих был смешон. Вот, представляю, сидит светский мальчик девятнадцати лет. Он навалергард, он гусар, а

— Дочь Николая I — королева Вюртембергская — пишет, что отец выразил желание, чтобы Дантес женился. С другой стороны, Дантес боялся потерять карьеру. Он не был трусом, а дуэль грозила разрушить карьеру, как бы она ни кончилась. Геккерен не хотел, чтобы его выслали. Сегодня данные все сходятся на том, что идея посвататься к Екатерине возникла до того, как Пушкин вызвал его на дуэль. Несомненно, у него был с ней роман, и то, что она безразлично сразу согласилась, говорит о том, что были какие-то отношения и она знала обо всем. Дантес повернул это таким образом, что он женился для того, чтобы спасти честь прекрасной дамы. Пушкин считал, что Дантес покажет себя как трус. Но Пушкин оказался неуксусным в интригах. И ухаживать за Натальей Николаевной Дантесу было необходимо для спасения собственной чести — чтобы не выглядел трусом. И он в этой игре победил — он выглядел благородным, принесшим себя в жертву. А Пушкин — опять смешон. Вот честь. Не ревность. Все не просто. Даже письмо Пушкина к Бенкендорфу от 21 ноября 1836 года замечательно. Он пишет, что само по себе ухаживание молодого человека не есть преступление и что он спокоен за жену. Но дело приобрело для него оскорбительный, гнусный оборот. Я считаю, что письмо Пушкина к Бенкендорфу и стихи Лермонтова точно трактуют, как нужно рассматривать дуэль.

То есть — рассматривая ее по линии ЧЕСТИ.

А мы рассматриваем ее либо по линии РЕВНОСТИ, либо по линии ПОЛИТИКИ.

Трудность заключается в том, что можно сказать ВСЮ ПРАВДУ, но наврать в пропорциях. И это уже будет совсем неправда.

— Скажите, а что же такое произошло, что так резко отделило отношение к Пушкину в двадцатые годы и отношение к нему в тридцатые годы? Ведь в юности он был бальзамом внимания и товарищей, и дам, и света, и читающей публики. Он не вызывал насмешек — только симпатии.

— Прекрасный вопрос! Вы «копаете» очень глубоко, идете по общим вопросам, а это главное. Когда идешь по частностям, рискуешь потерять перспективу.

Пушкин был максимально популярен в юности и преддекабристские годы. Пушкин постепенно отходил от этого, но он был близок молодой России. Россия страшно постарела со вступлением Николая на престол. Руководство стало старше, молодежь — осторожнее. Ушел стиль молодой России. Кюхельбекер писал о своем времени: либерские, ермолычские, поэты. Вот это поколение, воспитанное на 1812 году. Пушкин был их человек. Средний возраст декабристов был равен его возрасту. Поначалу Пушкин был им очень близок. Потом в 1823—1824 году начал серьезно задумываться над историей. Он перестал быть прямым декабристом.

Он был слишком диалектичен в своем взгляде на историю для того, чтобы не понять, что все это преждевременно и обречено.

Рано еще. В Испании крестьяне выдали своего вожак Риего. Чего же говорить о России? Пушкин опасался

Пушкин николаевского времени — это совсем другое. Он ушел, но все близкие ушли в ссылку или на эшафот. Общество переменилось. Но и Пушкин менялся. Вопрос заключается в том, что если бы он менялся одинаково, то не назрело бы конфликта, разрыва. Но все было сложно. В конце двадцатых годов появилась совершенно другая Россия. Русская история еще не очень в этом разоблачилась и не поняла глубины изменений. Пушкин оказался в изоляции, в вакууме по сравнению с тем, что было совсем недавно — до Сенатской площади. Он был бы несконзано удивлен, увидев толпы, пришедшие на его похороны. Признания он ждал только в последующих поколениях.

Как мне кажется, произошло расхождение в разные стороны — Пушкина и общества. Пушкин мудрей, вырастал над собой и временем, а общество каменило, металось, клуцело. Пушкин начинал видеть горизонты — как высший судия, видеть причинно-следственные связи, видеть процесс как единое. Он настолько стал выше — он пошел гигантски в свою сторону, а общество тонуло в реакции.

— Именно так. Декабризм уничтожен. И хотя на смену декабристам приходят молодые ребята вроде Герцена, Белинского, они Пушкина еще не понимают и не принимают. Только потом, после смерти, Белинский признал Пушкина. А при жизни Пушкин был для них царедворец, аристократический поэт. Левая молодежь либо истреблена, либо еще не созрела. Кто-то написал в своих мемуарах: «Мы, люди с принципами, не ходили на похороны Пушкина». Дальше. Какая еще есть публика? Очень развивается та часть публики, которая при Александре еще не «высоковывалась».

Это чиновники, купцы, средние классы. Появляется массовый читатель. Сравнительно массовый — грамотность всего шесть процентов — но все равно это уже не только аристократические салоны. Круг читателей увеличивается. Для них Пушкин тоже сложен. Они хотят удовольствий. Они хотят развлечения. Они читают Булгарина.

— То, о чем Пушкин говорил: чернь вышла на арену...

— Верно! Чернь не в народном смысле, а в смысле мещанства. У нас недооценивается значение курса Николая I — «Самодержавие, православие, народность». Александр плевать хотел на народ. Николай понял, что грядет новый класс. Народность в официальном смысле слова Пушкину поэтому не подходила.

Итак, что же за расклад вокруг Пушкина? Левые не принимают, чернь читает Булгарина, и, наконец, двор. Двор считался с ним, поскольку царь пытался его приручить. Но он был чужой, он раздражал, он мешал. Про двор подробнее. Пушкин ушел от революционного движения, когда он помирился с царем. Революционеры, декабристы не простили ему этого. А власть все равно не сошла его своим. Даже Вяземский для власти и двора был свой князь, камергер. Как Вяземский пишет о царе — Пушкин никогда так не писал. Никто из старейших министров. Пушкин же — «своя лошадка» — под вечным надзором

Пушкин николаевского времени — это совсем другое. Он ушел, но все близкие ушли в ссылку или на эшафот. Общество переменилось. Но и Пушкин менялся. Вопрос заключается в том, что если бы он менялся одинаково, то не назрело бы конфликта, разрыва. Но все было сложно. В конце двадцатых годов появилась совершенно другая Россия. Русская история еще не очень в этом разоблачилась и не поняла глубины изменений. Пушкин оказался в изоляции, в вакууме по сравнению с тем, что было совсем недавно — до Сенатской площади. Он был бы несконзано удивлен, увидев толпы, пришедшие на его похороны. Признания он ждал только в последующих поколениях.

Как мне кажется, произошло расхождение в разные стороны — Пушкина и общества. Пушкин мудрей, вырастал над собой и временем, а общество каменило, металось, клуцело. Пушкин начинал видеть горизонты — как высший судия, видеть причинно-следственные связи, видеть процесс как единое. Он настолько стал выше — он пошел гигантски в свою сторону, а общество тонуло в реакции.

— Именно так. Декабризм уничтожен. И хотя на смену декабристам приходят молодые ребята вроде Герцена, Белинского, они Пушкина еще не понимают и не принимают. Только потом, после смерти, Белинский признал Пушкина. А при жизни Пушкин был для них царедворец, аристократический поэт. Левая молодежь либо истреблена, либо еще не созрела. Кто-то написал в своих мемуарах: «Мы, люди с принципами, не ходили на похороны Пушкина». Дальше. Какая еще есть публика? Очень развивается та часть публики, которая при Александре еще не «высоковывалась».

Это чиновники, купцы, средние классы. Появляется массовый читатель. Сравнительно массовый — грамотность всего шесть процентов — но все равно это уже не только аристократические салоны. Круг читателей увеличивается. Для них Пушкин тоже сложен. Они хотят удовольствий. Они хотят развлечения. Они читают Булгарина.

— То, о чем Пушкин говорил: чернь вышла на арену...

— Верно! Чернь не в народном смысле, а в смысле мещанства. У нас недооценивается значение курса Николая I — «Самодержавие, православие, народность». Александр плевать хотел на народ. Николай понял, что грядет новый класс. Народность в официальном смысле слова Пушкину поэтому не подходила.

Итак, что же за расклад вокруг Пушкина? Левые не принимают, чернь читает Булгарина, и, наконец, двор. Двор считался с ним, поскольку царь пытался его приручить. Но он был чужой, он раздражал, он мешал. Про двор подробнее. Пушкин ушел от революционного движения, когда он помирился с царем. Революционеры, декабристы не простили ему этого. А власть все равно не сошла его своим. Даже Вяземский для власти и двора был свой князь, камергер. Как Вяземский пишет о царе — Пушкин никогда так не писал. Никто из старейших министров. Пушкин же — «своя лошадка» — под вечным надзором

Пушкин николаевского времени — это совсем другое. Он ушел, но все близкие ушли в ссылку или на эшафот. Общество переменилось. Но и Пушкин менялся. Вопрос заключается в том, что если бы он менялся одинаково, то не назрело бы конфликта, разрыва. Но все было сложно. В конце двадцатых годов появилась совершенно другая Россия. Русская история еще не очень в этом разоблачилась и не поняла глубины изменений. Пушкин оказался в изоляции, в вакууме по сравнению с тем, что было совсем недавно — до Сенатской площади. Он был бы несконзано удивлен, увидев толпы, пришедшие на его похороны. Признания он ждал только в последующих поколениях.

Как мне кажется, произошло расхождение в разные стороны — Пушкина и общества. Пушкин мудрей, вырастал над собой и временем, а общество каменило, металось, клуцело. Пушкин начинал видеть горизонты — как высший судия, видеть причинно-следственные связи, видеть процесс как единое. Он настолько стал выше — он пошел гигантски в свою сторону, а общество тонуло в реакции.

— Именно так. Декабризм уничтожен. И хотя на смену декабристам приходят молодые ребята вроде Герцена, Белинского, они Пушкина еще не понимают и не принимают. Только потом, после смерти, Белинский признал Пушкина. А при жизни Пушкин был для них царедворец, аристократический поэт. Левая молодежь либо истреблена, либо еще не созрела. Кто-то написал в своих мемуарах: «Мы, люди с принципами, не ходили на похороны Пушкина». Дальше. Какая еще есть публика? Очень развивается та часть публики, которая при Александре еще не «высоковывалась».

Это чиновники, купцы, средние классы. Появляется массовый читатель. Сравнительно массовый — грамотность всего шесть процентов — но все равно это уже не только аристократические салоны. Круг читателей увеличивается. Для них Пушкин тоже сложен. Они хотят удовольствий. Они хотят развлечения. Они читают Булгарина.

— То, о чем Пушкин говорил: чернь вышла на арену...